

Ponomarova O. A. Gender Aspect of People's Names with Respect to Their Occupation Functioning in Ukrainian, English and German Phraseology.

The article deals with the meaning, structure and national-cultural peculiarities of Ukrainian, English and German phraseological units with components denoting people according to their occupation viewed through the prism of gender problems. In particular, the role of gender connotations of professional names in motivating phrase meaning has been studied. Besides, the author traces gender division of labour and gender ties of relationship and analyses gender pairs of occupational names as to the identity or differences in phrase meaning when used as components of idioms, thus reflecting gender stereotypes. As a result, it is claimed that gender relevance is expressed by uneven presentation of both sexes within phraseology with the preference for a male over a female person. Phraseology is conservative, that is why there are almost no names of modern women's professions within it and the functional division of roles in the family and society tends to that one which existed in ancient times. As the material shows, representatives of male and female sexes have both positive and negative estimating associations in the inner phraseological context.

Keywords: phraseological unit, naming people according to their occupation, professions, gender, gender approach, connotative meaning.

УДК 811.512.19:343.138"15/16"

Рустемов О. Д.
Ардаханский университет,
Турецкая Республика

**ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
КРЫМСКИХ СУДЕБНЫХ РЕЕСТРОВ XVI–XVII ВВ.**

Крымские судебные реестры ханского периода, известные также как кадиаскерские книги, обнаружены были достаточно давно. Первое описание и первые переводы этих текстов появились уже в конце XIX века. Однако истинное представление о содержании дел, об исторической и филологической ценности памятников возникло совсем недавно. С точки же зрения лингвистики, они до сих пор остаются ещё малоизученными. Одним из актуальных вопросов является вопрос диалектной идентификации языка крымских кадиаскерских книг. По многим параметрам, которые определены в данной статье, язык документов, заключая в себе многие элементы османского литературного языка, обнаруживает также немало элементов локальных крымских наречий. Всё это позволяет характеризовать язык крымских сиджилей как крымский вариант османского языка.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, османский язык, лексика, тематические группы, заимствования, кадиаскерские книги.

Несмотря на неоднократные обращения к теме крымских судебных реестров эпохи Крымского Ханства, переводы отдельных текстов и различные публикации по поводу их очередного обнаружения [3; 4; 7; 9; 12], цельного представления как о содержании, так и о филологической составляющей этих памятников учёная общественность до сих пор не имеет. В числе проблем в изучении крымских судебных текстов, одной из актуальнейших является проблема идентификации языка, на котором они написаны.

Актуальность данной темы исходит из малоизученности памятников данной категории с филологической точки зрения. Исследование в данной области направлено на определение разговорного языка крымских татар по диалектному признаку, что в результате поможет в восстановлении литературной нормы, создании современной терминологии и в других практических задачах языковой политики крымских татар на современном этапе. Этот вопрос сам по себе является довольно обширным и включает в себя задачи практического свойства. Его можно разбить на отдельные темы, такие как стилистика юридических текстов и присутствие в них элементов разговорной

речи, в том числе выделяющиеся и по морфологическим признакам; вопросы терминологии, ономастики, крымской титулатуры, наименований монет, уточнения мер веса и площадей и т. п.

Целью статьи является анализ лексических и морфологических компонентов языка крымских судебных реестров XVII–XVIII вв. для определения его диалектной (языковой) составляющей.

Данные памятники с точки зрения диалектного состава лексики, а также синтаксиса, стилистических особенностей ранее никем не изучались. Вопрос о диалектных особенностях этого языка остаётся открытым.

Как известно, языковая ситуация в Крыму и прилегающих землях Дешт- и Кыпчака, начиная с середины XIII-го века, после присоединения к Золотой Орде, была поликомпонентной. Такое состояние зафиксировано во многих письменных источниках, наиболее важным из которых является словарь куманского языка XII–XIII вв. – ‘Codex Cumanicus’. В XV в. гетерогенность тюркских языков и диалектов была осложнена вхождением в языковое поле Крыма османского языка. В короткое время османский язык занял позицию литературного языка как письменного языка метрополии. Однако в ханской канцелярии документы внутреннего использования, а также письма, предназначенные для европейских и московских правителей, продолжали писать на сильно кыпчакизированном Золотоордынском *Тюрки*.

Суды же Крымского Ханства после присоединения к Османской Империи стали производятся по универсальному для всей страны образцу и были основаны на мусульманском праве – Шариате, заменившим собственно тюркские юридические традиции и законы. В связи с этим язык крымских судебных реестров или сиджилей априори идентифицируется как османский. Так, например, его дефинировал Бекир Чобан-заде, делая предварительные замечания о содержании документов [7, с. 15]. Этот тезис подтверждает и Халиль Инальджик в своей новой публикации об обнаружении копий записей в симферопольском архиве, которые впоследствии были переданы в библиотеку имени И. Гаспринского [9, с. 165].

В основном же все современные турецкие исследователи, которые использовали материалы крымских кадиаскерских книг для своих изысканий, никак не касаются темы языка, подразумевая тот факт, что раз Крымское ханство было доминионом Порты, то и внутреннее делопроизводство, в данном случае – судопроизводство, безусловно, должно было вестись на османском, то есть общегосударственном языке.

Однако подробное исследование языка крымских сиджилей даёт не столь однозначные результаты относительно определения его как османского. В его лексическом составе можно выделить два уровня:

1) тюркские слова из самых разных тематических групп, классификацию которых мы дадим ниже;

2) многочисленные заимствованные слова в основном арабского происхождения, по большей части представляющие собой юридические термины, а также в более редких случаях термины родства, меры веса, звания, эпитеты и пр.

Таким образом, официальная лексика, то есть лексика закона, куда входят юридические дефиниции из области уголовных преступлений или гражданских исков, наименования чиновных званий, названия торговых сделок и договоров, брачных контрактов и связанных с ними обязательств, типы документов и подобных понятий, полностью арабоязычная. Влияние арабского языка обнаруживается даже на морфологическом уровне, особенно в изафетных конструкциях, о чём мы уже сообщали [5, с. 132]. Этот факт позволяет вслед за Ю. Неметом признать наличие в османском “двойной языковой системы” [10, с. 189], часто действующих независимо.

Собственно говоря, на протяжении всего существования османского языка, а особенно в его классическую эпоху – XV–XVIII вв. – наблюдалась устойчивая тенденция к конвергенции арабского, персидского и тюркского языков, где предпочтение отдавалось именно иностранным. Это явление присуще, прежде всего, письменному языку диванной литературы [6, с. 17], приближенной к придворным кругам, различного рода художественно прикрашенных историй султанов и ханов, научных и богословских трактатов и подобных произведений. Несмотря на чрезмерную перегруженность языка арабизмами, этот уровень османского назывался *fasih Türkçe* от арабского слова: [فصیح] – *правильный, понятный*, хотя большинство представителей турецкого народа его не понимало. Этот язык был уделом избранных, в совершенстве знавших арабский и персидский языки, что могли себе позволить только знать и учёные люди. Чем больше было иностранных слов, тем более изящным и стильным считалось произведение.

Разговорный османский, на котором говорило городское население, был более свободным от иноязычных заимствований. Он назывался [*orta Türkçe*] – *средний турецкий*.

Сельское население, представлявшее собой большинство жителей Анатолии и Румелии, говорили на обычном турецком языке – [*kaba Türkçe*], т. е. *грубый турецкий*, презираемый в придворных и учёных кругах, но в нём было минимальное количество заимствованных и искусственно культивируемых иностранных слов.

Это расслоение османско-турецкого языка собственно Анатолии вполне подходит и для классификации крымскотатарских этикетных или стилевых языковых уровней, с той лишь поправкой, что в качестве тюркской составляющей в так называемым *орта* и *каба тюркче* здесь выступали собственно крымские наречия и диалекты.

Стилистически язык судебных реестров в зависимости от типа документа варьируется. Ярлыки турецких султанов и крымских ханов часто написаны эталонным османским, который определяется как “фасих”. Таких документов немного в процентном соотношении, кроме того, ярлыки крымского происхождения в некоторых случаях написаны более простым языком, приближенном к народному.

Встречаются также записи написанные полностью на арабском языке – дань традиции предшествующих веков, когда реестры дел шариатского суда велись исключительно по-арабски.

Однако большая часть крымских судебных выписок записывалась на османском языке среднего (*орта*) уровне, где присутствовал минимум арабизмов, иногда даже не юридического, а общего характера, усвоенного тюркским языком и ассимилированного его фонологической системой. Другая, основная же часть лексики была собственно крымскотатарской.

Например, такие короткие расписки и записи нотариального характера:

1. Merhum el-Ğaziniñ (ال غازينک) azbarınıñ taqtası (تقتسى) beş yüz yigirmi, elli direk ve seksen quşaq Ömeriñ evinde emanet'e vaz' olundu. Sufi bin Togay / Tukay (تکای) Elhas.

Перевод (*наш – О. Р.*): Доски со двора покойного Эль Гази (в количестве) пятьсот двадцать, пятьдесят бревен и восьмидесяти струганных досок (кѳушакѳ) – были размещены на сохранение (эманет) в доме Омера. Суфи б. Тогай / Тукай Эльхадж. [Крымские Кадискерские Книги (ККК) Т. 1, С. 1-А, Текст № 3.]

Арабизмами в этом тексте являются слова: *merhum* – прощённый, тот кому оказана милость (Аллаха), говорится о покойном; *emanet* – ответственное хранение, а также имущество переданное на сохранение или же люди-заложники, *vaz'* (وضع) –

оставление, размещение, расположение (на месте). Также имена собственные: *el-Ğazi*, *Ömer*, *Sufi bin Tukai* (تکای) Elhas. При этом имя [Тукай] – татарское.

Остальная часть лексики тюркская. Слово же *azbar* (азбар – двор, место перед домом, хлев) по словарю Лазаря Будагова [2, т. 1, с. 36], а также по иным источникам трактуется именно как крымское. Как в прошлом, так в настоящий момент турки его не употребляли, пользуясь грецизмом – *avlu*, в Крыму же *азбар* повсеместно в ходу. Другие тюркские слова соотносятся с турецким языком Анатолии, то есть они одни и те же.

В следующих примерах, где тюркские слова выделены курсивом, ситуация выглядит похожим образом:

2. *Oldur ki Murtaza Kâtib Tatar Mahmud El-hac'a on altı bin yüz altmış altı arşun kirbas¹ tuz'a verdiği könderdüm deyü iqrarı qayd olundu.* Cera zelik fi evahîr Sefer, sene Semani Aşer ve Elf.

Зарегистрированы показания Муртазы Кятиба, говорившего: я отдал шестнадцать тысяч сто шестьдесят шесть аришинов ткани за соль и отправил (её) Татар Махмуду Эльхаджу. Даты текущей: конец Сефера, года 1018 (1609) [1, т. 1, с. 9-А, текст № 4].

3. *El-hac Mahmud Murtaza Kâtib mahzarında Ferah Kerman (فرخ کرمان) tuzından dört yüz altmış sab tuz könderdim didiği qayd olundu.* Cera zelik fi evaher Sefer. Sene Semani Aşer ve Elf.

Зарегистрировано сказанное Эльхадж Махмудом в присутствии Муртазы Кятиба: из ферахкерманской соли я отправил четыреста шестьдесят сабов (соли). Событие текущего: конец Сефера, года 1018 (1609)

Присутствующие свидетели: *Мутаххар Эфенди, Ахмед Бек ибн-и Махмуд, Мустафа Муэдзин из джами (мечети).* [1, т. 1, с. 9-В, текст № 1].

В этой расписке присутствует мера веса [*sab*] (*саб*), равная приблизительно 2600 кг, вычисленная нами по содержанию в ней другой меры веса – *окка*, что составляет 1,2 кг. Этимология этого слова не совсем ясна. Понятно только, что подобная мера веса не применялась в османско-турецких документах, но весьма характерна для крымских. В памятниках древнетюркского или более поздних эпох это слово в таком значении не обнаруживается. В словаре Будагова находим нечто похожее, а именно *saba* – большой кожаный бурдюк, сшитый из 4-х кож с пометой *кир*. “киргизское”, на этой же странице есть слово [*сапа / сара*], помеченное как дагестанское и означающее хлебную меру, какую точно, не указывается [2, т. 1, с. 682]. В “Словаре анатолийских наречий” одно из значений слова [*sap*] передаётся как сноп скошенной пшеницы, стог злаковых растений. Таким образом, [*саб*] может быть тарой или мерой веса, используемой в Крыму.

Ещё одним нумеративом который встречается исключительно в крымских документах, теперь уже применительно к площади и звучащий как [*zan*] или [*azan*], Будаговым определяется как “крымская мера пахотной земли, содержащая в длину 800 саж., а в ширину 12,5” [2, т. 1, с. 603].

4. *Suret-i mezbûrede cıran ala at bahasından Mehmed Efendi Hızır akaya yemin teklif idub yigirmi hasene virecek oldu.* Fi't-tarih el-mezbûr. **Şühüdü'l-hâl:** el-mezbûrun.

Из стоимости гнедого в пятнах коня, упомянутого в сурете (записи), Мехмед Эфенди по предложению принести клятву, стал должным отдать двадцать хасене Хызыр акаю. Дата упомянутая. Свидетели упомянутые. [1, т. 1, с. 10-В, Текст № 8.]

В четвёртой записи два слова: [*çıran*] (*джыран* – гнедой, т. е. с красным крупом и черными ногами, гривой и хвостом конь) и [*ака*] (*ака* – мужчина в возрасте, старший

¹ Kirbâs (کرباس) (араб.) – ткань (бумажная), холст, полотно льняное или хлопковое.

брат) – являются крымскими диалектными словами. В турецком языке масть гнедого коня называется – [doru] (крымский вариант – [toru]), а старший брат звучит как: [abi] либо [ağabeu]. [Abi] – также является и простонародным обращением к старшему мужчине, чего нет в крымских реестрах и в языке в целом.

Из других исключительно крымских слов, встречающихся в реестрах, можно выделить некоторые названия мастей животных [sür] (сюр – красный), [tarğıl] (таргыыл – с пятном на лбу), [qoñur] (кьонгур – светло-жёлтый, буланый), [quba] (кьуба – коричневый). Названия животных по возрасту: [qulan] (конь двухлетка), [dönen] (конь возрастом от трёх до четырёх лет).

Состояние крымской диалектной многокомпонентности отражает парадигма местоимения 2-го лица в родительном (направительном) падеже. В документах встречаются все три формы, присущие крымским диалектам: [sana, sengâ, sağa] (тебе). Из них первая форма – [sana] – огузская по своему происхождению, является общей как для турецкого, так и для южнобережного диалекта крымского языка. [Sengâ] – пришло из Золотоордынского Тюрки, а [sağa] является западно-кыпчакским вариантом этого форманта. Обе последние употребимы были в Крыму, но не употребимы в Турции.

При сравнительном анализе между османско-турецким и языком крымских сиджилей обращает на себя внимание парадигма суффикса причастия в широком прошедшем времени на [-gen/-ğan; -qan/-ken], также является элементом исключительно крымской морфологии:

Mirza eli ile alğan hasene qırq altı buçuq idügi qayd olundı. Şühüdü'l-hâl: mezbûran.

Зарегистрировано: Рукою Мирзы было взято сорок шесть с половиной хасене.

Присутствующие свидетели: упомянутые [1, т. 1, с. 12-В, текст № 3].

Из других временных показателей глагола следует отметить омонимический с аффиксом причастия будущего времени [-acaq] аффикс деепричастия времени совершения действия – [-Icaq / -caq / -cek], который передаёт значение действия сразу после другого действия (соответствует – *dıqtan sonra*), интенсивность в очередности совершения последовательных действий или даже одномоментность или параллельность их выполнения (соответствует – *(y)Inca*) [8, с. 125]. Например, [...*bi'l-tıvacehe Aqay Gazi'den sual olunduqta bi'l-inkâr cevap vircek el-merkum Küzi'den beuyine taleb olunduqta beuyine'den aciz olmağın*] (... когда непосредственно был задан вопрос Акаю Гази, как только был получен отрицательный ответ (от него), у упомянутого Кюзи были истребованы доводы и доказательства в коих он бессильным оказался) [1, т. 1, с. 4-В (1-91/93), текст 1].

Этот аффикс уже в XVI веке был малоупотребительным в Турции, поскольку к этому времени относятся зафиксированные в книге Гурера Гюльсевина комментарии писателей и поэтов относительно смысла данного форманта [8, с. 126]. Деепричастия на [-Icaq / -caq / -cek] были в ходу в XV в., в современном же турецком языке они полностью вытеснены синонимичными морфемами [11, с. 139]. Однако из собственных наблюдений нам известно, что этот аффикс, несмотря на свою архаичность, до сих пор ещё в употреблении среди азербайджанцев Ирана.

Что касается Крыма и крымскотатарского языка, то документально установлено широкое применение формантов на *-Icaq / -caq / -cek* в XVII–XVIII вв. в текстах кадиаскерских книг. Тогда как в османских сиджилях этот формант был большой редкостью и к XVIII в. полностью вышел из употребления, хотя, возможно, он еще функционировал в устной речи. Подобный факт также служит доказательством того, что в Крыму в судебных реестрах использовался свой, местечковый вариант османского языка, который развился на базе местных огузских говоров.

Для более полной и ясной картины требуется обработать и сравнить гораздо больше материала, но уже на основании представленных в статье примеров можно сделать некоторые умозаключения относительно диалектной принадлежности языка крымских кадиаскерских книг. По наличию и однотипности арабоязычных заимствований язык турецких и крымских судебных документов XVII–XVIII вв. совершенно идентичен. Возможно, даже в турецких книгах этих заимствований больше или они употребляются чаще, что придаёт османскому языку юридических документов стилистически выдержанную строгость и официальность. С другой стороны, тюркская часть крымских и турецких реестров при всём сходстве языкового материала обнаруживает также различие как на лексическом, так и на морфологическом уровне.

Это различие состоит, в первую очередь, из немногочисленных субстратных явлений от официального языка Золотой Орды, чьим улусом, а затем самостоятельным ханством, построенным по ордынскому образцу, являлся Крым. Но в большей степени различия выявляются на уровне *западно-османский* (с центром в Стамбуле) – *восточно-османский* (с центром в Конье), который являлся общим литературным языком сельджукской поры для Крыма, Анатолии и Азербайджана с некоторыми локальными отклонениями.

Учитывая всё вышесказанное, можно констатировать тот факт, что кадиаскерские книги Крымского Ханства написаны на крымском варианте османского языка и вполне обоснованно могут считаться памятником языка крымских татар.

Л и т е р а т у р а :

1. Копии сиджилей крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90.
2. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских нарѣчій со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ / Л. Будагов. – Санктпетербургъ : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1871. – Т. 1 – 827 с. ; Т. 2 – 415 с.
3. *Биярсланов М.* Выписи изъ кадиаскерского сакка (книги) 1017 – 1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящагося в архіве Таврическаго Губернскаго Правленія / М. Биярсланов // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). – Симферополь : Типография Таврическаго губернскаго правленія, 1889–1891. – № 8; 9; 10.
4. *Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк Крымско-татарскаго землевладенія / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). – Симферополь : Типография Таврическаго губернскаго правленія, 1894–1897. – № 21; 22; 23; 24; 25.
5. *Рустемов О. Д.* Типы и функции изафетов в текстах кадиаскерских дефтеров Крымскаго Ханства XVII–XVIII вв. / О. Д. Рустемов // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : ОНУ ім. Мечникова. – № 27. – С. 129–135.
6. *Самойлович А. Н.* Краткая учебная грамматика современнаго османско-турецкаго языка / А. Н. Самойлович. – Ленинград : Россійская Гос. Академическая типография, 1925. – 158 с.
7. *Çobanzade B.* Leningratta Qırım hatireleri / B. Çobanzade // Oquv işleri. İctimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Komissarlığı neşri. Bağçasaray Hüner ve Sanayî Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. – Numara 4–5. – S. 14–19.
8. *Gülsevin G.* Eski Anadolu Türkçesinde Ekler / Gürer Gülsevin. – Ankara : Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. – 156 s.
9. *İnalçık H.* “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu” / H. İnalçık // Belleten, LX / 227, TTK Yay. – Ankara, 1996. – S. 165–189.
10. *Nemeth J.* Zur Kenntniss der Mischpachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) / J. Nemeth // ‘Acta Linguistica Hung.’ III. 1–2. – Budapest, 1953. – S. 153–199.
11. *Timurtaş F. K.* Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük / Faruk Kadri Timurtaş. – İstanbul : Enderun Kitabevi, 1994. – 322 s.
12. *Turan A. N.* “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar” / A. N. Turan // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi, 9 (2003 Güz). – İstanbul, 2003. – S. 1–16.

References:

1. Copies of the Crimean kadi's sidžils stored in the I. Gasprinsky library in Simferopol. Archive fund: 67 A90.
2. *Budagov L.* Sravnitelnyiy slovar turetsko-tatarskih narechiy so vklyucheniym upotrebitel'neyshih slov arabskih i persidskih i s perevodom na russkiy yazik [A comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects with the inclusion of the commonly used words of Arabic and Persian and with translation into Russian] / L. Budagov. – St. Petersburg : Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1871. – T. 1 – 827 p.; T. 2. – 415 s.
3. *Biyarlanov M.* Vyipisi iz kadiaskerskogo sakka (knigi) 1017 – 1022 hidzhry (1608/9 – 1613 g. hr. let.), hranyaschagosya v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniya [The extracts from the kadiasker's books 1017 – 1022 (1608/9 – 1613 BC), stored in the archives of the Taurian Provincial Board] / M. Biyarlanov // *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii (ITUAK)*. – Simferopol : Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1889–1891. – № 8; 9; 10.
4. *Lashkov F. F.* Istoricheskiy ocherk Kryimsko-tatarskogo zemlevladieniya [Historical sketch of the Crimean-Tatar landownership] / F. F. Lashkov // *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii (ITUAK)*. – Simferopol : Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1894–1897. – № 21; 22; 23; 24; 25.
5. *Rustemov O. D.* Tipy i funktsii izafetov v tekstah kadiaskerskih defterov Kryimskogo Hanstva XVII–XVIII vv. [Types and functions of the crocheting in the texts of the kadiasker's books scuttles of the Crimean Khanate of the 17th-18th centuries] / O. D. Rustemov // *Mova. Naukovo-teoretichniy chasopis z movoznavstva*. – Odesa : ONU Im. Mechnikova. – № 27. – S. 129–135.
6. *Samoylovich A. N.* Kratkaya uchebnaya grammatika sovremennogo osmansko-turetskogo yazyika [Short educational grammar of modern Ottoman-Turkish language.] / A. N. Samoylovich. – Leningrad : Rossiyskaya Gos. Akademicheskaya tipografiya, 1925. – 158 s.
7. *Çobanzade B.* Leningratta Qırım hatireleri / B. Çobanzade // *Oquv işleri. İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Komissarlığı neşri. Bağçasaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr*. – 1925. – Numara 4–5. – S. 14–19.
8. *Gülsevin G.* Eski Anadolu Türkçesinde Ekler / Gürer Gülsevin. – Ankara : Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. – 156 s.
9. *İnalçık H.* “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu” / H. İnalçık // *Bellekten, LX / 227, TTK Yay.* – Ankara, 1996. – S. 165–189.
10. *Nemeth J.* Zur Kenntnis der Mischpachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) / J. Nemeth // ‘Acta Linguistica Hung.’ III. 1–2. – Budapest, 1953. – S. 153–199.
11. *Timurtaş F. K.* Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük / Faruk Kadri Timurtaş. – İstanbul : Enderun Kitabevi, 1994. – 322 s.
12. *Turan A. N.* “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar” / A. N. Turan // *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, 9 (2003 Güz). – İstanbul, 2003. – S. 1–16.

Рустемов О. Д. Діалектні особливості мови кримських судових реєстрів XVI–XVII ст.

Кримські судові реєстри ханського періоду, відомі як кадіаскерські книги, виявлені були досить давно. Перший опис і перші переклади цих текстів з'явилися вже наприкінці XIX століття. Однак точне уявлення про зміст справ, про історичну і філологічну цінності пам'яток виникло зовсім нещодавно. З позиції лінгвістики, вони до сих пір залишаються ще маловивченими. Одним з актуальних питань є питання діалектної ідентифікації мови кримських кадіаскерських книг. За багатьма параметрами, які представлені в даній статті, мова документів, характеризуючись багатьма елементами османської літературної мови, дає змогу простежити також чимало елементів локальних кримських говірок. Все це дозволяє характеризувати мову кримських сіджилів як кримський варіант османської мови.

Ключові слова: *кримськотатарська мова, османська мова, лексика, тематичні групи, запозичення, кадіаскерські книги.*

Rustemov O. D. Dialectal Features of Language of Crimean Judicial Registers XVI–XVII Centuries.

Crimean judicial registers of the Khan's period also known as a kadiasker's book were discovered long ago. The first description and the first translations of these texts appeared at the end of the XIX century. However, the true idea of the content of the cases, the historical and philological value of the monuments arose quite recently. From the point of view of linguistics, they still remain poorly understood. One of the topical issues is the dialectal identification of the language of the Crimean school books. In many of the parameters that are defined in this article, the language of documents, including many elements of the

Ottoman literary language, also reveals many elements of local Crimean dialects. Such elements include words denoting suits and breeds of horses, names of household items, geographical names, etc. Separately, it is necessary to mention the morphological features of participial and participial forms of verbs. In a number of cases, they differ from Ottoman and indicate the influence of local, Crimean dialects. All this makes it possible to characterize the language of the Crimean sidžils as a Crimean version of the Ottoman language.

Keywords: *Crimean Tatar language, Ottoman language, vocabulary, thematic groups, borrowings, kadiasker books.*

УДК 811.133.1:659.127

Салко О. В.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

СПЕЦИФІКА РЕКЛАМНОГО ГАСЛА ЯК РІЗНОВИДУ МОВЛЕННЯ

Статтю присвячено аналізу французьких рекламних слоганів з метою виявлення їх структурних та семантичних особливостей. Описано основні характеристики рекламного слогана, що вирізняє його серед інших рекламних текстів та зумовлює виокремлення його як окремого різновиду мовлення. Вивчено роль візуального компонента при розгляді рекламного гасла, а також засобів виразності при його створенні. Дослідження проводиться на базі французьких рекламних слоганів, орієнтованих на внутрішній споживчий ринок.

Ключові слова: *рекламне гасло, рекламний слоган, різновид мовлення, візуальний компонент, засоби виразності.*

Рекламне гасло або слоган, використовуючи незначний простір та час, поєднує в собі мистецтво переконання: щоб кількома словами передати суть рекламної марки. Воно може викликати емоції, завзяття, сміх, співпереживання та інше. Щоб створити собі аргументацію, рекламне мовлення випробовує різні стилістичні фігури задля привертання уваги, примусу посміхнутись чи замріятись, здивування чи розчулення.

Поліфункціональність реклами (реклама як різновид бізнесу, засіб комунікації, вид мистецтва) є відображенням багатовимірності сучасного суспільства та пошуків шляхів для самореалізації. Жак Сегела, фахівець у галузі реклами, висловив таку думку: “Реклама давно вже не просто слово в торгівлі. Це слово в політиці, слово в суспільних відносинах, слово в моралі” [1, с. 16]. Тому вивчення особливостей рекламного мовлення може проводитись в рамках різних лінгвістичних предметів: соціолінгвістики, прагматики, стилістики, теорії комунікації. Усі ці дисципліни об’єднує інтерес до комунікативно-функціональних можливостей мови, адже основною функцією будь-якого рекламного повідомлення є здатність впливати на реципієнта.

Вивчення рекламного гасла як різновиду мовлення порушує низку важливих проблем, актуальних для сьогодення: роль мови як засобу переконання, особливості використання мовних засобів з метою впливу, взаємодія та взаємовплив інтересів реципієнта та рекламного гасла, лексико-семантичні та прагматичні особливості функціонування мови гасла в рекламному тексті.

Вивченням різних аспектів рекламних текстів упродовж останніх років займались різні дослідники: А. Міллер, Д. Огілві, І. А. Морозова, прагматичі та стилістичні особливості вивчали М. М. Кохтев, О. А. Дмитрієв, Д. Е. Розенталь та інші. Серед французьких вчених варто виокремити спеціалістів із маркетингу (S. Barre,